

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ

ВУДЖАУС

ДЕРЖИМ УДАР, ДЖИВС!

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Дживс и Вустер

Пелам Гренвилл Вудхаус

Держим удар, Дживс!

«Издательство АСТ»

1963

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Вудхаус П.

Держим удар, Дживс! / П. Вудхаус — «Издательство АСТ»,
1963 — (Дживс и Вустер)

ISBN 978-5-17-983320-8

Очередные похождения молодого аристократа Берти Вустера и его слуги, спасителя и ангела-хранителя – невозмутимого Дживса. Снова и снова Берти Вустер попадает как кур в ощи́п в крупные неприятности. Ему грозят ужасы разорения, позора, скандала или женитьбы. Однако в последний момент незаменимому Дживсу всегда удается найти выход из самой безнадежной ситуации...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-983320-8

© Вудхаус П., 1963
© Издательство АСТ, 1963

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пелам Гренвилл Вудхаус

Держим удар, Дживс!

Глава 1

Небрежно поигрывая ножом, я намазал джем на горячий гренок и чуть было не огласил воздух ликующим «Тру-ля-ля!», поскольку в это утро чувствовал себя в превосходной спортивной форме. «Улыбается Бог в небесах, в этом мире все так хорошо!» Помнится, таким образом однажды высказался Дживс. Он еще, кажется, упомянул о жаворонках и улитках, но это к делу не относится, так что не будем отвлекаться.

В кругах, где вращается Бертрам Вустер, ни для кого не секрет: когда ночь вступает в свои права и приходит час пиршества, Бертрам может украсить собой любое общество, однако за завтраком он, как правило, остроумием не блещет. Сойдясь лицом к лицу с яичницей и беконом, он, случается, робко их поковыряет, будто боясь, что они вдруг сорвутся с тарелки и набросятся на него. Словом, спозаранку Бертрам Вустер вял и скучен. Сплошная беспросветность.

Однако сегодняшний день существенно отличался от всех прочих. Сегодня у нас царил дух животрепетания – если это слово означает то, что я имел в виду, – и воодушевления. Ну так вот, я мало того что впился зубами в сосиски, как тигр в несчастного кули, которого он отловил себе ко второму завтраку, но еще после этого, как уже упоминалось, накинулся на хлеб с джемом. По-моему, этим все сказано.

Причину, по которой сегодня я куда более благосклонно смотрел на белки и углеводы, легко понять. Дживс вернулся и снова отслуживал свое еженедельное вознаграждение на старом месте. Дело в том, что дворецкий моей обожаемой тетушки Далии захворал, и она позаимствовала у меня Дживса на время приема, который устраивала в своем вустерширском поместье Бринкли-Корт. Таким образом, я больше чем на неделю лишился общества моего слуги. Разумеется, Дживс не дворецкий, а камердинер, но, если случится нужда, он любого дворецкого за пояс заткнет. Это у него в крови. Его дядюшка Чарли – дворецкий, и, конечно, Дживс перенял у него кучу всяких профессиональных тонкостей. Когда Дживс появился, чтобы убрать останки, я спросил его, хорошо ли ему жилось в Бринкли.

– Исключительно приятно, благодарю вас, сэр.

– А вот мне без вас было далеко не так приятно. Я чувствовал себя как малое дитя, которого лишили няни. Вы не против, что я назвал вас няней?

– Нисколько, сэр.

Впрочем, на самом деле это еще мягко сказано. Моя тетька Агата – страшная женщина, настоящее исчадие ада – считает, что Дживс играет при мне роль надсмотрщика.

– Да, мне очень вас не хватало, я даже с друзьями в «Трутнях» веселился без всякого удовольствия. «Они влекли меня к забавам...» – как там дальше?

– Сэр?

– Однажды вы таким образом высказались про Фредди Уиджена, когда одна из его подружек дала ему от ворот поворот. Что-то там вроде бы утолить...

– Ах, вот оно что, сэр! «Они влекли меня к забавам, дабы печали утолить...»

– «... в надежде тщетной, что веселость забвенью может подарить». Да-да, это самое. Сами сочинили?

– Нет, сэр. Это старинная английская салонная баллада.

– Да? А написано будто обо мне. Однако расскажите: что в Бринкли? Как поживает тетушка Далия?

– Миссис Траверс, судя по всему, пребывает, как обычно, в добром здравии, сэр.

– Как прошел праздник?

– Удовлетворительно, в разумных пределах, сэр.

– Только-то?

– Настроение мистера Траверса несколько омрачало обстановку. Он был подавлен.

– Так случается всякий раз, когда тетя Далия собирает полон дом гостей. Известно, что он погружается в пучину отчаяния, если даже один-единственный чужак переступает порог их дома.

– Истинная правда, сэр, но позволю предположить, что в данном случае подавленность мистера Траверса объясняется главным образом присутствием сэра Уоткина Бассета.

– Неужели там был этот старый хрыч? – возмутился я, ибо знал, черт побери, что если есть на свете человек, к которому мой дядя Том чувствует живейшее отвращение, то это Бассет.

– Я поражен, Дживс.

– Должен признаться, сэр, что я тоже был несколько удивлен, увидев этого джентльмена в Бринкли-Корте, но, вне сомнения, миссис Траверс сочла своим долгом воздать ему за его гостеприимство. Как вы изволите помнить, недавно сэр Уоткин принимал вас с миссис Траверс в Тотли-Тауэрсе.

Я поморщился. Желая всего лишь освежить мою память, Дживс коснулся оголенного нерва. В чашке оставалось немного холодного кофе, и я отхлебнул глоток, чтобы вернуть себе спокойствие.

– Ничего себе «принимал»! Запереть человека в спальне, чуть ли не наручники на него надеть, поставить внизу на лужайке полицейского, чтобы не удрал через окно на связанных простынях, – если, по-вашему, это называется «принимать гостей», то я решительно не могу с вами согласиться.

Не знаю, насколько вы знакомы с анналами о Вустере, но если вы хоть в какой-то мере о них осведомлены, то, возможно, припомните ужасающую историю о сэре Уоткине Бассете и моем посещении его глостерширского поместья. Сэр Уоткин и мой дядюшка Том наперегонки коллекционируют то, что называется *objets d'art*, и когда сэр Уоткин обманом увел из-под носа дяди Тома серебряный кувшинчик для сливок в виде коровы – на редкость безобразное изделие, – мы с тетушкой Далией отправились в Тотли-Тауэрс, дабы похитить вышеупомянутую корову и вернуть ее в родное стойло. Это предприятие, хоть и увенчавшееся, как говорится, успехом, едва не привело меня в кутузку, и когда я вспоминаю о нем, то все еще дрожу, как трепетная осина, если я правильно выражаюсь.

– Мучают ли вас ночные кошмары, Дживс? – спросил я, надрожавшись.

– Очень редко, сэр.

– Меня тоже. Но если мучают, то всегда одни и те же. Я снова оказываюсь в Тотли-Тауэрсе в обществе сэра У. Бассета, его дочери Мадлен, Родерика Спода, Стиффи Бинг, Гасси Финк-Ноттла и скотч-терьера Бартоломью, они являются мне во всей своей красе, и я просыпаюсь, не к столу будь сказано, весь с головы до ног в поту. Да уж, поистине для меня то были времена, которые... как там, Дживс?

– Ниспосланы, чтобы подвергнуть человека испытаниям, сэр.

– Именно. Да еще каким! Один сэр Уоткин Бассет чего стоит, а? – задумчиво проговорил я. – И нечего удивляться, что дяде Тому стало не по себе и он приуныл. На его месте я тоже впал бы в депрессию. А кто еще наблюдался среди присутствовавших?

– Мисс Бассет, сэр, мисс Бинг, собака мисс Бинг и мистер Финк-Ноттл.

– Ну и ну! Вся шайка почти в полном составе. Спода не было?

– Нет, сэр. Очевидно, на его сиятельство приглашение не распространялось.

– На его – что?

– Мистер Спод, если изволите припомнить, сэр, унаследовал титул лорда Сидкапа.

– Ах да. Совсем забыл. Сидкап или не Сидкап, а для меня он все равно Спод. Скверный тип.

– Во всяком случае, он назойливая личность, сэр.

– Не хотелось бы снова с ним сталкиваться.

– Охотно понимаю, сэр.

– И не испытываю никакого желания встречаться ни с сэром Уоткином Бассетом, ни с Мадлен Бассет, ни со Стиффи Бинг и Бартоломью. Против Гасси не возражаю. Физиономия как у палтуса, в спальне у себя держит тритонов в стеклянной банке, но на такие вещи смотришь сквозь пальцы, когда речь идет о твоём старом школьном друге. Точно так же прощаешь старому товарищу по Оксфорду, например преподобному Г. П. Пинкеру, его привычку загребать ногами и опрокидывать все вокруг. Так как же Гасси? Вне себя от счастья?

– Нет, сэр. Мистер Финк-Ноттл, как мне показалось, тоже был подавлен.

– Видимо, какой-нибудь из его тритонов подхватил тонзиллит.

– Возможно, сэр.

– Вы никогда не держали тритонов?

– Нет, сэр.

– Я тоже. И Эйнштейн, и Джек Демпси, и архиепископ Кентерберийский, по-моему, тоже. А вот Гасси получает от общества тритонов истинное наслаждение. Устроится поуютнее и глазеет на них, и нет на свете человека счастливее его. Чего только в жизни не бывает, а?

– Действительно, сэр. Вы предполагаете обедать дома?

– Нет. У меня свидание в «Ритце», – сказал я и вышел, дабы облачиться в приличествующий английскому джентльмену уличный наряд.

Во время переодевания, когда мои мысли вновь вернулись к Бассетам и я еще раз подивился, ради чего, черт побери, тетушка Далия допустила, чтобы сэр Уоткин и сопровождающие его лица отравляли своим присутствием чистую атмосферу Бринкли-Корта, зазвонил телефон, и я вышел в холл, чтобы снять трубку.

– Берти?

– О, привет, тетя Далия.

Я сразу узнал любимый голос. Когда мы с тетей Далией говорим по телефону, у меня просто лопаются барабанные перепонки. Моя тетушка некогда была заметной фигурой в охотничьих кругах и, говорят, так зычно гикала и улюлюкала, скача по лугам и перелескам в погоне за лисой, что слышно было даже в соседних графствах. Теперь, отойдя от активной охоты на лис, она все еще сохраняла привычку адресоваться к племяннику тоном, предназначенным скорее для одергивания охотничьих собак, когда те отвлекались на кроликов.

– Смотри-ка, он уже на ногах! – прогудела она. – Я думала, ты еще в постели, храпишь так, что стены дрожат.

– Вообще-то обычно в этот час я еще недоступен, – поддакнул я, – но сегодня встал с жаворонками и с этими, как их? Кажется, с улитками. Дживс!

– Сэр?

– Вы ведь говорили, что улитки встают рано?

– Да, сэр. Поэт Браунинг в своей стихотворной драме «Проходит Пиппа...» указывает, что они встают в семь часов утра. «Жаворонок запел свою песню так весело и безыскусно, и улитка ползет по листу, оставляя свой легкий узор».

– Благодарю вас, Дживс. Тетя Далия, я не ошибся. Я восстал из постели, когда жаворонок уже запел свою песню, а улитка ползет по листу.

– Берти, что ты там мелешь?

– Вопрос не ко мне, а к Браунингу. Я говорю, что сегодня встал рано. Это самое малое, что я мог сделать, чтобы отпраздновать возвращение Дживса.

– Он ведь вернулся в добром здравии, да?

– Да, загорелый и бодрый.

– Здесь он был в прекрасной форме. На Бассета произвел неизгладимое впечатление.

Я обрадовался тому, что представилась возможность разрешить загадку.

– Тетя Далия, – сказал я, – вы затронули один вопрос, в связи с которым мне бы хотелось услышать разъяснения. За каким чертом вы пригласили в Бринкли папашу Бассета?

– Ради жены и малых детушек.

– Чего-чего? Не понял. Растолкуйте, пожалуйста.

– Ради Тома, я хочу сказать, – ответила она и так оглушительно захохотала, что я затрясся всем телом. – Том в последнее время впал в уныние по причине, как он говорит, чудовищного налогообложения. Ты ведь знаешь, он ненавидит раскошеляться.

Я и в самом деле это знал. Будь его воля, департаменту налогов и сборов не видать бы его денег как своих ушей.

– Ну так вот, я и подумала, что общество Бассета отвлекло бы его, он бы понял, что на свете есть вещи похуже, чем подоходный налог. Меня надоумил здешний врач. Рассказал, что есть такая болезнь, называется «болезнь Ходжкина», от которой лечат мышьяком. Принцип тот же самый. Ведь этот Бассет просто невыносим. Когда увидимся, я тебе расскажу про статуэтку из черного янтаря. Бассет ее недавно купил для своей коллекции. Он показывал ее Тому и при этом отвратительно злорадствовал. Том исстрадался весь, горемыка.

– Дживс сказал, что он был подавлен.

– Ты бы тоже был подавлен, будь ты коллекционером и знай, что твой конкурент, которого ты и так терпеть не можешь, раздобыл для своей коллекции вещь, за которую ты бы отдал не глядя все четыре зуба мудрости.

– Понимаю, – сказал я, не первый раз удивляясь тому, что дядя Том так высоко ценит вещи, которых, по мне, так хоть бы вообще на свете не было. Например, вышеупомянутый сливочник в виде коровы – надо же такое выдумать, ей-богу! Я всегда без боязни намекал, что самое подходящее место для всех этих коллекционеров – обитая войлоком палата в психушке.

– У Тома началось тяжелое несварение, какого у него не случалось с тех пор, как его последний раз подбили поесть омаров. Кстати о несварении: послезавтра я приеду на один день в Лондон и рассчитываю, что ты накормишь меня обедом.

Заметано, сказал я, и после того как мы с ней совершили небольшой обмен любезностями, она дала отбой.

– Это была тетушка Далия, Дживс, – сказал я, отойдя от телефона.

– Да, сэр, мне показалось, что я узнал голос миссис Траверс.

– Она хочет, чтобы я послезавтра угостил ее обедом. Думаю, лучше пригласить ее к нам. Она не слишком жалуется ресторанный кухню.

– Очень хорошо, сэр.

– Что это за статуэтка из черного янтаря, о которой говорила тетя Далия?

– Прошу прощения, но это довольно длинная история, сэр.

– В таком случае сейчас не стоит рассказывать. Мне надо бежать сломя голову, иначе я опоздаю на свидание.

Вооружившись зонтиком и надев шляпу, я взял курс в открытое пространство, но тут услышал почтительное покашливание и, обернувшись, увидел, что день радостного воссоединения вот-вот омрачится. В устремленных на меня глазах я уловил особый блеск, столь мне знакомый по общению с тетушками и неизменно означавший явное осуждение. И когда Дживс страдальчески произнес: «Прошу прощения, сэр, но неужели вы намерены появиться в отеле «Ритц» в этой шляпе?» – я понял, что настало время Бертраму продемонстрировать свою прославленную железную волю.

В вопросе головных уборов Дживс как пить дать идет не в ногу с современной передовой мыслью. Его взгляды даже можно назвать реакционными, и я с самого начала задавался

вопросом, как он отнесется к голубой тирольской шляпе с розовым пером, которую я купил в его отсутствие. Теперь я получил ответ. Невооруженным глазом было видно: он ни за что на свете с ней не примирится.

Я же, напротив, всей душой полюбил эту шляпу, хотя готов был допустить, что она более уместна для ношения в сельской местности. Но с другой стороны, она, бесспорно, сообщала моей наружности эдакую чертовщинку, а при моей внешности некая чертовщинка в экипировке просто неценима. Поэтому у меня в голосе прозвучали металлические нотки.

– Да, Дживс, именно так я и намерен поступить, в общем и целом. Разве вам не нравится эта шляпа?

– Нет, сэр.

– Ну а мне нравится, – находчиво сказал я и вышел на улицу в своей тирольской, лихо заломленной – в этом вся соль! – голубой шляпе.

Глава 2

В «Ритце» у меня было назначено свидание с Эмералд Стокер, младшей дочерью этого пирата папаши Стокера, который однажды обманом заманил меня к себе на яхту с намерением женить на своей старшей дочери Полин. Длинная история, сейчас не стану вдаваться в подробности, скажу только, что старый болван имел совершенно превратное представление о моих отношениях с его ненаглядным чадом, потому что мы, как говорится, были всего лишь добрыми друзьями. К счастью, все обошлось благополучно – барышня связала себя узами брака с Мармадюком, лордом Чаффнеллом, моим старинным приятелем, и мы как были, так и остались добрыми друзьями. Иногда я провожу уик-энды у Полин и Чаффи. А когда она приезжает в Лондон за покупками или за чем-нибудь еще, я слежу, чтобы она поглощала достаточное количество калорий. И само собой разумеется, когда Эмералд Стокер явилась сюда из Америки обучаться живописи, Полин поручила мне приглядывать за сестрой и время от времени водить ее обедать. Старый добрый Бerti, друг семьи.

Я так и знал, что опоздаю – Эмералд уже меня ждала. Всякий раз при виде ее я поражался, до чего не похожи друг на друга могут быть родственники. В том смысле, что субъект А начисто лишен внешнего сходства с родственным ему субъектом В, а субъект В совсем не похож на родственный субъект С, – надеюсь, вы улавливаете ход моих мыслей. Взять, например, клан Стокеров. Глядя на них, вы никогда в жизни не догадаетесь, что они связаны узами крови. Старик Стокер – вылитый персонаж третьего плана из какого-нибудь гангстерского фильма, а Полин такая красотка, что когда идет по улице, даже самый сдержанный мужчина не стерпит и восхищенно присвистнет ей вслед. Эмералд же, совсем наоборот, вполне заурядная милашка и ничем не отличается от сотен других хорошеньких девушек, только нос и глазки у нее чуточку как у мопса да веснушек несколько больше среднего уровня.

Я всегда радовался случаю перекусить с Эмералд, потому что в ней чувствовалось материнское тепло, которое действовало на меня успокаивающе. Она была из тех славных, симпатичных девушек, которым всегда можно поплакаться, не сомневаясь, что тебя пожалеют и поглядят по головке. Я пришел на свидание все еще немного раздосадованный размолвкой с Дживсом по поводу тирольской шляпы и, конечно, тут же излил душу Эмералд. Вы не представляете, с каким тактом она откликнулась на мое признание. Должно быть, сказала Эмералд, Дживс в чем-то похож на ее отца, хотя она его никогда не видела – в смысле Дживса, а не своего отца, с которым она, безусловно, часто встречается. И еще сказала, что я был совершенно прав, когда продемонстрировал бархатный кулак в стальной перчатке, вернее, наоборот – стальной кулак в бархатной перчатке, потому что нельзя, чтобы кто-то брал над тобой верх. Ее отец, сказала она, привык всю жизнь всеми командовать, но, по ее мнению, рано или поздно найдет коса на камень и ему как следует дадут по мозгам, что, как ей кажется – и я в этом полностью с ней согласен, – пойдет ему только на пользу.

Я был так благодарен Эмералд за ее доброту, что пригласил ее завтра пойти со мной в театр, куда я мог бы раздобыть парочку билетов на классный мюзикл, но она сказала, что, к сожалению, ничего не выйдет.

– Я сегодня уезжаю за город, к знакомым. Поезд уходит в четыре часа с Паддингтонского вокзала.

– Надолго едешь?

– Примерно на месяц.

– И целый месяц считаешь там пробывать?

– Само собой.

Она так уверенно это сказала, что я посмотрел на нее с невольным уважением. У меня в жизни не было случая, чтобы в каком-то доме смогли вытерпеть мое присутствие дольше

недели. Куда там! Обычно задолго до этого срока хозяева вроде бы невзначай затевают за столом разговор об удобствах железнодорожного сообщения с Лондоном, смутно надеясь, что Бертрам воспользуется этим удобством. И уж конечно, у меня в комнате на видном месте лежит расписание поездов с жирным крестиком против цифр 2.35 и пометкой: «Очень удобный поезд. Настоятельно рекомендуем».

– Их фамилия Бассет, – сказала Эмералд.

Я вздрогнул.

– Они живут в Глостершире.

Я снова вздрогнул.

– Их усадьба называется...

– Тотли-Тауэрс?

Теперь вздрогнула Эмералд – итого вместе мы вздрогнули три раза.

– Как, ты их знаешь? Вот здорово! Пожалуйста, расскажи о них.

Эта просьба меня несколько удивила.

– А разве ты сама с ними не знакома?

– Только с мисс Бассет. А кто остальные?

Будучи превосходно осведомленным в данном вопросе, я тем не менее на минуту замялся, соображая, нужно ли открывать этой беззащитной девушке, на что она себя обрекает. И решил, что обязан сказать всю правду, ничего не утаивая. С моей стороны было бы довольно жестоко умолчать о том, что мне известно, и допустить, чтобы она отправилась в Тотли-Тауэрс неподготовленной.

– Итак, обитателями рассматриваемого нами зверинца, – начал я, – являются сэр Уоткин Бассет, его дочь Мадлен, его племянница Стефани Бинг, некий тип по имени Спод, который с недавних пор зовется лордом Сидкапом, и племянницын скотч-терьер по кличке Бартоломью, с которым следует держать ухо востро, в особенности если он ошивается где-нибудь в окрестностях ваших лодыжек, потому что кусает он как змей и жалит как аспид. Значит, с Мадлен Бассет ты знакома? И как ты ее находишь?

Эмералд, похоже, погрузилась в раздумье. Прошла минута-другая, прежде чем она вновь всплыла на поверхность.

– Вы с ней большие друзья? – наконец осторожно спросила она.

– Отнюдь нет.

– Ну так, по-моему, она редкостная дурища.

– По-моему, тоже.

– Но очень хорошенькая. Этого нельзя не признать.

Я помотал головой:

– Внешность – это еще не все. Думаю, что какой-нибудь лихой султан или паша, представь ему случай зачислить мисс Бассет в штат своего гарема, ни за что не упустит такой возможности, но не пройдет и недели, как он раскается в своей горячности. Она же невыносимо сентиментальная дурочка, напичанная всякими бреднями и причудами. Считает, например, что звезды – это божьи маргаритки, что кролики – это гномы из свиты королевы фей и что каждый раз как эта самая фея сморкнется, на свет рождается малютка, хотя уж, кажется, кому не известно, как рождаются дети. Одним словом, дурища и зануда в придачу.

– Вот-вот, и мне так показалось. Прямо как та барышня из «Терпения», которая только и бредит любовью.

– Откуда барышня?

– Из «Терпения», пьеса Гилберта и Сулливана. Ты что, не видел?

– Да нет, конечно, видел. Теперь вспомнил. Однажды тетушка Агата вынудила меня сводить на этот спектакль ее сына Тоса. Весьма недурно, хотя, по-моему, немного заумно. А теперь переходим к сэру Уоткину Бассету, отцу Мадлен.

– Она мне о нем говорила.

– Ну еще бы.

– Что он за тип?

– Настоящее чудовище. Не в обиду ему будь сказано, но, на мой взгляд, сэр Уоткин Бассет такой же монстр, как твой папаша, даже еще похлеще.

– Значит, по-твоему, мой папаша монстр?

– Но это между нами.

– А он считает, что ты ненормальный.

– Ну и на здоровье!

– И нельзя сказать, что он так уж сильно ошибается. Но во всяком случае, отец не так плох, если его гладить по шерстке.

– Вполне допускаю, но если ты воображаешь, что у меня только и дел, что гладить твоего папочку по шерстке или против оной, то ты глубоко заблуждаешься... Кстати, вспомнил – что касается Тотли-Тауэрса, то там есть одно подкупающее обстоятельство. В соседней деревне живет преподобный Г. П. Пинкер по прозвищу Растяпа, викарий, исправляющий должность священника. Тебе он понравится. Когда-то он играл в футбол за сборную Англии. А Спода остерегайся. Верзила под три метра ростом, а взглядом с шестидесяти шагов открывает устричную раковину. Если тебе приходилось видеть горилл, то можешь составить представление о Споде.

– Миленькие же у тебя друзья!

– Они мне не друзья. Хотя я люблю Стиффи и всегда готов заключить ее в объятия при условии, что она не начнет дурить. Дело в том, что она вечно выкидывает какие-то фортели. Ну вот, кажется, на этом список заканчивается. Ах нет, забыл про Гасси.

– Кто это?

– Мой приятель, сто лет знакомы. Он обручен с Мадлен Бассет. Его зовут Гасси Финк-Ноттл.

Эмералд радостно пискнула:

– У него еще очки в роговой оправе?

– Да.

– И он держит тритонов?

– В изобилии. Как, неужели вы знакомы?

– Встречались. На вечеринке в одной компании.

– Я думал, он не ходит на вечеринки.

– А тут взял и пришел, и мы весь вечер проговорили. Симпатичный, похож на овечку.

– Ты хочешь сказать – на палтуса?

– Ничего подобного.

– Но он же вылитый палтус.

– Да нет, он совсем не похож на палтуса.

– Ну хорошо, будь по-твоему, – примирительно сказал я, ибо любая попытка урезонить девицу, которая провела с Гасси весь вечер и не убедилась, что он похож на мороженого палтуса, обречена на провал. – Ну вот, теперь ты знаешь, что тебя ждет в Тотли-Тауэрсе. Меня-то туда калачом не заманишь, дудки, да никто и не станет заманивать, но ты там неплохо проведешь время, – сказал я, так как не хотел чрезмерно ее огорчать. – Места там живописные, да и едешь ты туда не для того, чтобы похитить сливочник в виде коровы.

– Что-что?

– Ничего-ничего. Это я просто так, не обращай внимания, – пробормотал я и перевел разговор на другую тему.

Когда мы расставались, Эмералд была задумчива, да оно и понятно, но мною тоже овладела меланхолия. Я не чужд суеверия, и то обстоятельство, что людоедское Бассетово племя

вновь замаячило на моем горизонте, неприятно меня поразило. У меня возникло как бы предчувствие, что ли... или, скорее, ощущение, будто мой ангел-хранитель намекает мне: мол, держи ухо востро, смотри в оба, не то Тотли-Тауэрс снова вторгнется в твою жизнь.

В результате спустя полчаса погруженный в размышления Бертрам Вустер сидел в курительной у «Трутней», вертя в руках рюмку мальвазии. Приятели старались меня развлечь, но я не слушал, мне хотелось подумать. Я пытался убедить себя, что Тотли-Тауэрс вновь напомнил о себе лишь по чистой случайности и не стоит придавать этому разговору никакого значения, но тут ко мне неслышно приблизился официант и сообщил, что некий джентльмен выражает желание со мной говорить. Некое духовное лицо по фамилии Пинкер, сказал официант, и я в очередной раз вздрогнул, а вышеупомянутое предчувствие вновь дало о себе знать.

Не то чтобы мне не хотелось видеть преподобного Пинкера. Я люблю его как брата. Мы с ним учились в Оксфорде и относились друг к другу прямо как Давид и Ионафан. И хоть формально он не принадлежал к числу обитателей Тотли-Тауэрса, а только помогал vicarю соседней деревни Тотли пасти души простых мирян, при его внезапном появлении мои дурные предчувствия разыгрались на всю катушку. Не хватало еще, чтобы явились сэр Уоткин Бассет, Мадлен Бассет, Родерик Спод и скотч-терьер Бартоломью, и вся шайка опять будет в сборе. Почтение к моему бдительному ангелу-хранителю охватило меня с новой силой. Нрава он, конечно, унылого, все видит в черном свете и любит нагонять страх на своего подопечного. Но дело свое знает, ничего не скажешь.

– Ведите его сюда, – обреченно сказал я, и спустя надлежащее время появился преподобный Г. П. Пинкер. Споткнувшись о ступеньку, он простер руки и устремился ко мне, по дороге зацепив ногой и опрокинув столик. Вот так с ним всегда, стоило ему только попасть в помещение, оснащенное хоть какой-то мебелью.

Глава 3

Если вдуматься, эта пресловутая способность Растяпы задевать ногами за все, что ни подвернется, вообще-то вызывала изумление. Ведь мало того что он четыре года подряд представлял на футбольном поле свой университет и шесть лет – свою страну, так он и теперь, если выкроит для себя субботу, временно приостановив процесс спасения душ вверенных ему прихожан, играет за «Арлекинов» и носится по полю, словно олень, или косуля, или как там называются эти животные, которые бегают, не спотыкаясь и не опрокидывая встречные предметы. Я пару раз видел его на арене, если можно так выразиться, и был потрясен его виртуозностью. Для меня футбол – книга за семью печатями, сам я никогда в него не играл, но даже мне было понятно, чего стоит Пинкер. Он изящно летал по полю туда-сюда и стремительно, с сокрушительной силой проделывал то, что, по-моему, называется перехват. Он настигал соперника так же неотвратимо, как всадник настигает пешехода, и воздух сотрясался от неистовых воплей кровожадных болельщиков.

Пинкер был помолвлен со Стиффи Бинг, и, на мой взгляд, долгие годы футбольной практики сослужили бы ему хорошую службу в качестве подготовки к семейной жизни с ней. Если каждую субботу с тех самых пор, как ты вышел из младенчества, толпа головорезов в подкованных ботинках шваркает ими тебе по физиономии, то, по-моему, ничего на свете уже не может тебя напугать, даже женитьба на такой девице, как Стиффи, у которой чуть ли не с пеленок что ни день, то какая-нибудь сумасшедшая выходка, способная свести с ума всех окружающих, от первого до последнего.

Преподобный Г. П. Пинкер был здоровенный малый. Должно быть, даже в детстве одежда на нем трещала по швам, а весы, стоило ему стать на них, тут же ломались. И теперь, в зрелом возрасте, его можно было бы принять за брата-близнеца Родерика Спода. С виду, конечно, в том только, что касалось мускулатуры, сухожилий и живого веса, потому что если Родерик Спод постоянно высматривал, кого бы сожрать, являя собой постоянную угрозу как для пешеходов, так и для движущихся транспортных средств, то Пинкер – настоящий дьявол в человеческом облике, вносящий смутнение в ряды соперников на футбольном поле, – в частной жизни был так кроток, что даже малый ребенок мог из него веревки вить. В самом деле, однажды мне случилось видеть, как Растяпа послушно играл в мяч с крохотной девчушкой.

Обычно с лица этого божьего человека не сходила лучезарная улыбка. Я бы сказал, что его улыбка – одна из местных достопримечательностей и украшает собой Тотли, как прежде в Оксфорде украшала колледж Святой Магдалины, где мы с ним учились. Однако на этот раз вид у Растяпы был удрученный, будто он обнаружил ересь среди своей паствы или застукал на церковном дворе мальчишек-певчих, курящих марихуану. Словом, передо мной предстало девяносто килограммов его преподобия, обремененного тяжелой заботой. Опрокинув очередной столик, он уселся и сообщил, что рад меня видеть:

- Так и знал, что найду тебя в «Трутнях».
- И нашел, – подтвердил я. – Скажи, что привело тебя в столицу?
- Приехал на собрание комитета клуба «Арлекинов».
- Ну и как комитет?
- В порядке.
- Рад слышать. Состояние комитета – предмет моей неустанной тревоги. Ну, Растяпа, рассказывай, как поживаешь.
- Очень хорошо.
- Пообедаем вместе?
- К сожалению, должен вернуться в Тотли.

– Скверно. Дживс говорит, что сэр Уоткин, Мадлен и Стиффи гостили у моей тетушки в Бринкли.

– Да.

– Они вернулись?

– Да.

– Как Стиффи?

– Нормально.

– А Бартоломью?

– Тоже нормально.

– А как твои прихожане? Надеюсь, с ними все в по рядке?

– О да, в полном порядке.

Интересно, вас ничего не удивляет в этом диалоге, образец которого я тут воспроизвел? Нет? В том смысле, что Растяпа Пинкер и Бертрам Вустер, друзья-приятели, знаем друг друга чуть не с пеленок, а беседуем точно случайные попутчики в поезде. Пинкер цедил слова сквозь зубы, и я все более и более утверждался в мысли, что грудь его исполнена – как ее там? – какой-то злополучной субстанцией, что ли, которая тяжким бременем давит на сердце, как выразился однажды Дживс.

Я не оставлял усилий, стараясь расшевелить Растяпу Пинкера.

– Ну же, Растяпа, – сказал я, – что новенького? Что старикан Бассет, отдал ли он тебе приход?

Мой вопрос отчасти пробил броню – Пинкер оживился:

– Нет еще. По-моему, он не может решиться. Сказал, что отдаст, а на другой день объявил, что сомневается и должен еще подумать над этим вопросом.

Я нахмурился. Не по душе мне подобная неопределенность. Представляю, как она затрудняет Пинкеру жизнь и ставит его в ложное положение. Поневоле будешь и встревожен и подавлен. Ведь они со Стиффи не могут пожениться – на жалованье викария он ее не прокормит, стало быть, надо ждать, пока папаша Бассет не расщедритя на приход, которым распоряжается по своему усмотрению. А мне доподлинно известно, что Растяпа спит и во сне видит вступить в брак со Стиффи, хотя лично я, при всех моих добрых чувствах к этому юному созданию, готов милою пробежать в тесных ботинках, лишь бы уклониться от женитьбы на означенном создании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.